

УДК 94(571.150).084.6

ББК 63.3(2Рос-4Алт)614-36

**Приговорная деятельность тройки при УНКВД
и милицейской тройки в Алтайском крае в 1937–1938 гг.:
сравнительный анализ***

Н.В. Куденко, В.Н. Разгон

Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

**Activity of the NKVD Troika and of Militia Troika in the
Altai Region in 1937–1938: the Comparative Study**

N.V. Kudenko, V.N. Razgon

Altai State University (Barnaul, Russia)

Рассматривается приговорная деятельность милицейской тройки и тройки при УНКВД по Алтайскому краю на основе анализа информации, содержащейся в базе данных, составленной по протоколам их заседаний в 1937–1938 гг. Показывается, что тройка при УНКВД специализировалась на пресечении деятельности преступников-рецидивистов, тогда как объектом репрессий для милицейской тройки были мелкие преступники и изгои, ведущие асоциальный образ жизни. Вместе с тем имело место частичное совпадение контингентов репрессий и трансферт следственных дел между тройками. Распространение социальной «чистки», проводившейся в период Большого террора, на уголовников и «социально-вредные элементы» (нищих, бродяг, тунеядцев и пр.) привело к значительному увеличению ее масштабов. Преследование носителей социальной девиации являлось составной частью репрессивной политики сталинского режима, направленной на уничтожение и изолирование категорий населения, не подлежащих интеграции в советское общество. Реализация этого курса с неизбежностью вела к превращению террора в инструмент социальной технологии.

Ключевые слова: репрессии, Большой террор, тройка, уголовники, преступность, маргиналы, деклассированные элементы, Алтайский край, Солтонский район.

DOI 10.14258/izvasu(2017)5-11

Изучение механизма репрессивной политики в отношении таких объектов массовой социальной «чистки», проводившейся в период Большого террора, как уголовники и люмпенизированные элементы, является новым направлением в исследовании соци-

The article investigates the activity of the militia “troika” and NKVD “troika” in the Altai region by means of the analysis of the information contained in the database made on the basis of protocols of their meetings in 1937–1938. It shows that the NKVD troika specialized in the suppression of the activity of criminal- recidivists, whereas the object of repressions for the militia troika were the small criminals and outcasts, who lead the asocial lifestyle. At the same time there occurred the partial agreement of the contingents of repressions and the exchange of the investigation cases between the troikas. Distribution of the social “cleaning” which was carried out in the period of Great Terror on criminals and “declassed elements” (the poor, the tramps, the parasites and others) led to significant increase in its scales. Prosecution of carriers of social deviation was a component of the repressive policy of the Stalin regime directed at the destruction and isolation of the categories of the population which was not subject to integration into the Soviet society. Realization of this course inevitably led to transformation of terror into the tool of social technology.

Key words: repressions, Great terror, troika, criminals, marginals, “declassed elements”, Altai Region, Solton District.

ально-технологической стороны массовых репрессий. Публикации по данной проблематике пока немногочисленны [1, с. 202–229; 2, с. 519–534; 3, с. 394–428; 4, с. 459–518] во многом из-за ограничений в доступе к необходимым для изучения данной проблемы

* Исследование выполнено при поддержке РГНФ (проект «Большой террор в ракурсе микроисторического исследования: репрессии в Солтонском районе Алтайского края в 1937–1938 гг.», № 16-01-50116а(ф))

документам, находящимся в ведомственных архивах. Между тем вопрос о том, почему уничтожению или изоляции в период Большого террора, наряду с традиционными классовыми и политическими противниками большевиков, также были подвергнуты обыкновенные уголовники (воры, грабители, хулиганы и др.), преступления которых не имели политической «окраски», и «социально вредные элементы» (нищие, бродяги, проститутки и др.) нуждается в осмыслении. Целью данной статьи является определение роли троек милиции и НКВД в «чистке» советского общества от уголовных и «социально-вредных» групп населения, проводившейся в период Большого террора, на примере приговорной деятельности милицеской тройки и тройки при УНКВД, действовавших в Алтайском крае. Источниковой базой исследования послужили протоколы тройки при УНКВД и милицеской тройки, отложившиеся в ведомственном архиве ГУ МВД России по Алтайскому краю, а также база данных на осужденных этими внесудебными органами, составленная по протоколам их заседаний.

В основу проводившейся в 1920-е гг. политики по отношению к преступности была положена социально-утопическая концепция, согласно которой преступность и ее носители рассматривались в качестве неизбежного «наследия буржуазного прошлого», которое можно преодолеть в результате утверждения социалистического строя и трудового перевоспитания преступников. Насильственная маргинализация общества, вызванная последствиями политики коллективизации и раскулачивания, голода 1932–1933 гг. и репрессий, привела к взрывоподобному росту преступности и социальной девиации, колоссально увеличила количество лиц, выпавших из социума, среди которых преобладали не преступники-рецидивисты, а социальные изгои, оставшиеся без средств к существованию и неизбежно пополнявшие криминальную среду. Для большевистской власти наличие широких деклассированного и криминального социальных слоев было неприемлемым, так как уголовники, бродяги, нищие не только давали основной процент преступлений и нарушений общественного порядка, но и своим открытым неподчинением правилам бросали вызов государству, подрывали престиж власти, затрудняли реализацию задач, связанных с мобилизацией общества на форсированное строительство социализма. С позиции властей, лица, избегавшие работать на государство и занимавшиеся спекуляцией, бродяжничеством и нищенством, были «социально-вредным элементом» (СВЭ), питающим преступность и подлежащим насильственному искоренению [5, с. 397]. Тройки, созданные при полпредствах ОГПУ для осуждения «кулацкого актива» в условиях проводившейся коллективизации, занимались в том числе и осуждением уголовно-маргинальных элементов. По данным А.Г. Теплякова, за второе полугодие 1933 г. тройкой ПП ОГПУ Западно-Сибирского

края было осуждено 1814 чел., отнесенных к категории «социально-вредный элемент», а в течение 1934 г. — 8322 представителя СВЭ [5, с. 399].

С 1935 г. на смену борьбе с «социально-вредными элементами» и преступниками методами «массовых операций» приходит более планомерная и регулярная чистка городов от уголовников и «социально-вредных элементов», проводимая так называемыми милицескими тройками, созданными по приказу наркома НКВД СССР от 27 мая 1935 г. [6, с. 142]. Круг правонарушителей, подсудных милицеским тройкам, включал: 1) лиц, имевших судимости или приводы в милицию по поводу преступной деятельности, которые и далее поддерживали контакты с преступной средой; 2) лиц, не имевших судимости или приводов в милицию, но не занимавшихся общественно-полезным трудом, не имевших определенного места жительства и поддерживавших контакты с преступной средой; 3) профессиональных нищих; 4) лиц, нарушивших правила паспортной системы, введенной 27 декабря 1932 г. [7, с. 259–260].

В этом приказе указывалось на недопустимость производства «массовых операций» при изъятии уголовников и «деклассированных». Однако именно последний термин — «деклассированный» — стал универсальным правовым инструментом, позволявшим привлекать к уголовной ответственности широкие слои общества. В эту новую категорию, использовавшуюся как гибкий рычаг карательной политики, надлежало включать тех лиц, которых нельзя было однозначно идентифицировать как классовых врагов. К деклассированным можно было относить не только профессиональных преступников, но и хулиганов, проституток, пьяниц, нищих и бродяг, т.е. всех, кто демонстрировал девиантное поведение. Включение в число «клиентов» милицеской тройки «деклассированных элементов» с неизбежностью придавало ее репрессивной деятельности массовый характер.

Массовость осуждений милицескими тройками уголовников и «деклассированных элементов» значительно возросла после появления приказа НКВД СССР №00447 от 30 июля 1937 г., давшего старт масштабным репрессиям, вошедшим в историю как Большой террор. Наряду с социально и политически «чуждыми элементами» (бывшими кулаками, представителями царского режима, участниками Белого движения, членами «антисоветских» партий, церковниками и др.) приказом № 00447 в число подлежащих суду троек НКВД, учреждавшихся в качестве основного инструмента реализации репрессивной политики, включались и уголовники (бандиты, грабители, воры-рецидивисты, контрабандисты-профессионалы, аферисты-рецидивисты, скотоконокрады), ведущие преступную деятельность и связанные с преступной средой», в том числе содержащиеся на момент выхода приказа под стражей, а также в лагерях и трудпоселках [8, с. 86].

Так как до принятия приказа № 00447 массовым осуждением преступников и «социально-вредного элемента» занимались милицейские тройки, циркуляром заместителя наркома внутренних дел М.П. Фриновского «Об усилении борьбы с грабителями и уголовниками-рецидивистами», разосланным 7 августа 1937 г., дополнительно разъяснялись компетенции троек НКВД и милицейских троек в борьбе с преступностью: акцент в деятельности троек НКВД ставился на осуждении уголовников-рецидивистов, тогда как милицейские тройки должны были заниматься рассмотрением дел на менее опасных преступников и осуждением «социально-вредного элемента» (тунеядцев, бомжей, нищих и пр.) [9, с. 174].

Общее количество лиц, дела которых рассматривались на заседаниях милицейской тройки Алтайского края в период с 10 ноября 1937 г. (первое заседание) по 17 ноября 1938 г. (последнее заседание), составило 6942 чел. Тройкой при УНКВД по Алтайскому краю (до 30 октября 1937 г. — тройкой при УНКВД по Западно-Сибирскому краю) в 1937 г. были осуждены 862 чел. (протоколы за 1938 г. не сохранились). В базу данных, составленную авторами статьи на основе изучения протоколов указанных троек, из протоколов милицейской тройки включены сведения на 567 чел. по пяти территориально-административным единицам Алтайского края — городам Барнаулу и Бийску (с сельской округой) и трем сельским районам — Змеиногорскому, Троицкому (пятипроцентная выборка), Солтонскому (сплошной учет), а сведения о приговорной деятельности в отношении уголовников тройки при УНКВД по Алтайскому краю включают информацию о каждом втором осужденном [10].

Статистический анализ содержащейся в базе данных информации показал, что среди осужденных ми-

лицейской тройкой и тройкой при УНКВД преобладали лица мужского пола: соответственно 81,8 и 93,1% от общего числа (табл. 1), что в целом определялось гендерным составом преступных и деклассированных элементов в 1930-е гг. Вместе с тем доля женщин в составе осужденных милицейской тройкой была более значительной из-за ее функциональной нацеленности на борьбу не с профессиональной преступностью, а «социально-вредными элементами» — нищими, попрошайками, проститутками и т.п.

Наиболее многочисленную возрастную группу среди осужденных тройками милиции и УНКВД (соответственно 55,2 и 58,9%) составляли лица в возрасте от 18 до 30 лет — представители молодого поколения, которое, с одной стороны, наиболее успешно интегрировалось в советское общество, но, с другой стороны, из-за сложностей социальной адаптации и определения мировоззренческих ориентиров в условиях стремительных социальных трансформаций являлось основным источником для формирования преступной среды.

Характеристику социального облика осужденных конкретизирует учет содержащейся в базе данных информации, согласно которой 25,8% от общего числа осужденных тройкой при УНКВД и 36,9% «клиентов» милицейской тройки являлись лицами «без определенного места жительства», а профессиональные занятия большинства осужденных (соответственно 52,2 и 56,8%) в протоколах троек определялись клише «без определенных занятий» (табл. 1). При постоянных переездах и перекочевках, без стабильного заработка, зачастую находясь в затруднительном материальном положении, подобный контингент становился социальной базой для формирования преступной среды.

Таблица 1

Сравнительная характеристика уголовников и «социально-вредных элементов», осужденных тройкой при УНКВД по Алтайскому краю и милицейской тройкой, %

Состав осужденных	Тройка при УНКВД	Милицейская тройка
Гендерный состав:		
мужчины	93,1	81,8
женщины	6,9	18,2
Возраст:		
до 30 лет	58,9	55,2
старше 30 лет	41,1	44,8
Лица без определенных занятий (БОЗ)	56,8	52,2
Лица без определенного места жительства (БОМЖ)	25,8	36,9
Ранее судимые	73,4	39,1

Подсчитано по: [10].

Как видно из таблицы 1, среди осужденных тройкой при УНКВД по Алтайскому краю существенно более высоким был удельный вес лиц, ранее уже имевших судимость (73,4 против 39,1% осужденных по протоко-

лам милицейской тройки), что отражает определенную приказом НКВД № 00447 от 30 июля 1937 г. и циркуляром замнаркома от 7 августа 1937 г. «специализацию» троек НКВД на осуждении уголовников-рецидивистов.

Как следует из данных таблицы 2, в которой представлено соотношение между различными видами преступлений, в совершении которых обвинялись лица, осужденные тройкой при УНКВД по Алтайскому краю и милицейской тройкой в 1937–1938 гг., наиболее распространенными противоправными действиями, совершаемыми «клиентами» милицейской тройки, были: тунеядство — 20,4% от общего числа предъявленных обвинений, кража — 16,8, «гастролирование» и бродяжничество — 10,1, хулиганство — 7,1, нищенство — 6,9%. Как видим, большая часть имевших высокий уровень распространенности противоправных действий относилась не к преступлениям как таковым, а к проявлениям асоциального образа жизни, которые в годы Большого террора чаще, чем в предшествующий период, квалифицировались как уголовно-наказуемое деяние.

Еще более очевидной направленность деятельности милицейской тройки на репрессирование носителей асоциального образа жизни, который противоречил принципам общественной полезности и трудовой дисциплины, становится при подсчетах, основанных на персонификации предъявленных обвинений. Обвинение в тунеядстве было предъявлено 68,4% правонарушителей (от общего числа лиц, включенных в базу данных по милицейской тройке с учетом того, что каждому из них было предъявлено по несколько правонарушений), в «гастролях» и бродяжничестве — 36%, в нищенстве — 26,3%, в связях с преступными элементами — 24,3%, в хулиганстве — 18%, в совершении краж — 17,6%.

Таблица 2

Соотношение между видами преступлений, совершенных осужденными тройкой при УНКВД по Алтайскому краю и милицейской тройкой в 1937–1938 гг., %

Виды преступлений	Тройка при УНКВД	Милицейская тройка
Кража	12,3	16,8
Рецидивист	10,9	0,2
Руководитель, участник преступной группы	7,5	2,0
Скотонокрадство	6,5	0,7
Связь с преступными элементами	6,1	7,7
Грабёж	5,9	1,0
Тунеядство	5,3	20,4
Нанесение телесных повреждений	4,4	4,2
Хулиганство	3,1	7,1
Побег из-под ареста	2,9	1,0
Уголовный бандитизм	2,4	-
Вооруженное нападение	2,4	0,1
Дебош	2,3	2,6
«Гастролирование», бродячий образ жизни	2,1	10,1
Вредительство	2,1	-
Спекуляция	1,8	2,4
Угрозы	1,7	0,9
Попытка убийства	1,6	-
Убийство	1,3	-
Содержание притона	1,3	2,4
Антиколхозная агитация	1,3	0,1
Подделка документов	1,3	0,6
Пьянство	1,2	3,9
Мошенничество	0,8	1,0
Укрывательство преступников	0,8	0,4
Нищенство	-	6,9
Проституция	-	2,2
Проживание без прописки и документов	-	1,2
Прочие преступления	10,7	4,1
Итого:	100	100

Подсчитано по: [10].

Приговорная деятельность тройки при УНКВД и милицейской тройки...

Таблица 3

Виды преступлений, совершенных осужденными милицейской тройкой Алтайского края в 1937–1938 гг. с распределением по учтенным городам и районам (в процентах от общего числа)

Виды преступлений	Барнаул	Бийск и р-н	Змеиногорский р-н	Троицкий р-н	Солтонский р-н	Средний показатель
Кража	18,5	15,9	15,0	14,2	20,6	16,8
Тунеядство	20,5	19,5	12,0	24,0	26,2	20,4
Бродячий образ жизни, «гастролирует»	11,5	6,8	1,5	15,7	15,0	10,1
Связь с преступными элементами	10,5	10,4	10,0	5,1	2,3	7,7
Хулиганство	5,1	6,0	17,0	4,7	2,5	7,1
Нищенство	5,3	1,2	1,0	10,2	16,2	6,9
Нанесение телесных повреждений	3,8	3,6	10,5	2,8	-	4,2
Пьянство	3,4	7,2	5,5	3,1	0,2	3,9
Дебош	1,3	2,8	4,0	3,9	0,9	2,6
Скупка краденого, спекуляция	3,0	5,6	1,5	1,6	0,5	2,4
Содержание притона	3,0	4,8	2,5	1,2	0,5	2,4
Проституция	2,6	0,4	1,0	4,7	2,5	2,2
Руководитель, участник преступной группы	-	2,8	6,0	-	0,7	2,0
Проживание без прописки и документов	1,3	2,0	1,0	1,2	-	1,2
Грабеж	4,1	0,8	-	-	-	1,0
Мошенничество	0,2	1,6	2,0	1,2	0,2	1,0
Побег из-под ареста	0,9	1,6	-	0,8	1,4	1,0
Угрозы	0,6	0,4	2,0	-	1,4	0,9
Скотоконократство	0,6	0,4	1,0	1,2	2	0,7
Подделка документов	0,8	1,2	-	0,8	0,2	0,6
Укрывательство преступников	0,4	0,4	1,0	0,4	-	0,4
Самогонование	-	-	-	0,8	0,4	0,3
Изнасилование	-	-	0,5	-	1,1	0,3
Незаконное хранение оружия	0,6	0,8	-	-	-	0,3
Рецидивист	-	-	1,0	-	-	0,2
Игра в азартные игры	0,2	0,4	-	-	0,5	0,2
Контрреволюционная агитация	0,2	0,4	-	-	-	0,1
Вооруженное нападение	-	-	0,5	-	0,2	0,1
Прочие преступления	1,6	3,0	3,5	2,4	4,5	3,0
Итого:	100	100	100	100	100	100

Подсчитано по: [10].

Сравнительный порайонный анализ содержащихся в базе данных сведений, характеризующих приговорную деятельность алтайской милицейской тройки (табл. 3), показывает, что наибольшие относительные показатели самых распространенных видов правонарушений (тунеядство — 26,2%, бродяжничество — 15,0%, нищенство — 16,2%, кража — 20,6% приходится на предгорный Солтонский район, который в силу его отдаленности и труднодоступности являлся местом притяжения маргинальных, в том числе и пре-

ступных, элементов из других районов края и регионов страны. В городской среде, как следует из данных таблицы 3, большее распространение, чем в сельской местности, имели виды преступной деятельности, характеризующие принадлежность к профессиональной преступности: «участие в преступной группе», «связь с преступными элементами», грабежи, скупка краденого и спекуляция, содержание притонов и пр.

Наиболее распространенными видами преступлений, в которых обвинялись уголовники, осуж-

денные тройкой при УНКВД по Алтайскому краю, являлись: кражи, на которые приходилось 18,8% от общего числа обвинений (с учетом обвинений в скотоконокрадстве), грабежи (5,9%), нанесение телесных повреждений (4,4%), хулиганство (3,1%). Нацеленность приговорной деятельности тройки на пресечение профессиональной и рецидивной преступности, определенная в директивных документах руководства НКВД, проявилась в большом количестве обвинений в рецидивных преступлениях (10,9%), руководстве (участии) преступными группами (7,5%), связи с преступными элементами (6,1%) (см. табл. 2).

Максимально суровым наказанием, к которому в рамках своих полномочий могла приговаривать милицмейская тройка, было заключение в ИТЛ на срок пять лет. В приговорной деятельности тройки при УНКВД это был лишь минимальный из назначаемых сроков заключения, она обладала полномочиями приговаривать к заключению в ИТЛ на срок до 10 лет и к высшей мере наказания (ВМН) — расстрелу.

Заключение в ИТЛ на максимально возможный срок (5 лет) было наиболее распространенным наказанием, выносившимся милицмейской тройкой: в 1937 г. к такому наказанию были приговорены 94,5%, в 1938 г. — 66,7, а в целом в течение двух лет — 74,3% осужденных. 42% всех уголовников, дела которых рассматривались в 1937 г. тройкой при УНКВД по Алтайскому краю, были приговорены к ВМН, остальные — к лагерному заключению на срок в пять (8,3%), восемь (20,4%) и десять лет (28,8%). Следует отметить, что уголовникам расстрельные приговоры тройкой выносились реже, чем представителям целевых групп приказа № 00447, репрессированных по политическим мотивам: к ВМН были приговорены 63,3% всех осужденных тройкой участников Белого движения, 70% бывших участников крестьянских восстаний, 92,1% священнослужителей и церковных активистов [1, с. 45, 135, 158].

Значительная часть лиц, осужденных милицмейской тройкой (29,7%), оказалась в числе правонарушителей впервые, что свидетельствует о применявшемся в рамках репрессивных операций периода Большого террора конвейерном способе изъятия «неопытных» уголовников и «социально-вредных элементов» — наиболее «доступных» нарушителей закона. Среди тех, кто был осужден за уголовные преступления тройкой УНКВД, удельный вес ранее не привлекавшихся к уголовной ответственности был меньше — 26,6%, но тоже весьма значительным, если учитывать ее специализацию на осуждении преступников-рецидивистов.

Анализ информации, содержащейся в базе данных, позволяет установить взаимосвязь между мерой наказания и наличием у осуждавшихся тройками судимостей в прошлом, т.е. рецидивным характером преступлений. Лицам, не имевшим в прошлом судимости,

милицмейская тройка, как правило, назначала меньший срок заключения, нежели ранее судимым: имевшим криминальное прошлое, включавшее и судимости и приводы в милицию, в 89% случаев была определена максимальная для компетенции милицмейской тройки мера наказания: заключение в ИТЛ на 5 лет, тогда как в отношении тех, кто не имел в прошлом судимостей и приводов в милицию, максимальный срок заключения был назначен лишь в 47,5% случаев. Специализировавшаяся на борьбе с рецидивной преступностью тройка при УНКВД вынесла расстрельные приговоры 43,2% от всех осужденных ею уголовников-рецидивистов, а среди осужденных тройкой лиц, совершивших противоправное деяние впервые, доля приговоренных к ВМН была меньше — 38,3%.

Анализ сведений, содержащихся в базе данных, показывает в своей приговорной деятельности тройки не всегда придерживались четкого разделения функций, предусматривавшего специализацию милицмейских троек на пресечении преступной деятельности мелких уголовников и СЭВ, а троек НКВД — уголовников-рецидивистов. Так, 17,2% осужденных тройкой при УНКВД по Алтайскому краю не имели в прошлом судимостей и приводов в отделения милиции, т.е. не принадлежали к правонарушителям-рецидивистам.

На рассмотрение на заседаниях тройки при УНКВД поступали в том числе дела на мелких уголовников и хулиганов — контингент, не предусмотренный приказом № 00447. Так, в состав «контрреволюционной кулацкой группы» из 32 чел., «вскрытой» сотрудниками местного отделения НКВД в Солтонском районе в рамках проводившейся здесь в ноябре 1937 г. локальной репрессивной операции, дело которой рассматривалось на заседании тройки при УНКВД 8 декабря 1937 г., были включены и несколько мелких уголовников, промышлявших квартирными кражами в райцентре [11].

О частичном совпадении контингента, дела которого поступали на рассмотрение троек милиции и УНКВД, свидетельствует и то обстоятельство, что 8,3% всех осужденных тройкой при УНКВД были приговорены к 5-летнему заключению в ИТЛ — мере наказания, наиболее распространенной в приговорной деятельности милицмейской тройки. Между тройками существовал своеобразный трансферт дел, который позволял осуществлять их «переброску» между внесудебными органами в зависимости от подсудности [1, с. 223–229].

Деятельность троек была прекращена Постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 17 ноября 1938 г. «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия», определившим переход от политики массовых социальных чисток к более избирательным репрессиям [12, с. 307–311].

Таким образом, рассмотрение результатов приговорной деятельности милицмейской тройки и тройки при УНКВД по Алтайскому краю показывает, что определенная ведомственными нормативными

документами специализация троек на пресечении деятельности контингентов, отнесенных к их подсудности (для милицеских троек — мелкие преступники и «социально-вредные элементы», для троек НКВД — носители рецидивной преступности), хотя и подтверждается материалами, характеризующими приговорную деятельность троек милиции и УНКВД в Алтайском крае, но при этом имело место частичное совпадение контингентов репрессий, что приводило к ужесточению наказаний для мелких правонарушителей (при попадании их дел на рассмотрение тройки при УНКВД), а также трансферт дел между тройками. В этой связи милицескую тройку можно рассматривать как своеобразную «удлиненную руку» тройки УНКВД в реализации курса на масштабную социальную чистку советского общества, включавшую в том числе очищение общества не только от профессиональных преступников, но и социальных изгоев, число которых неизмеримо возросло в результате разрушения традиционных социальных отношений и укладов в ходе проводившейся сталинским руководством социальной и экономической модернизации.

При применявшемся в рамках репрессивных операций периода Большого террора конвейерном способе изъятия уголовников и «социально-вредных элементов», основным объектом репрессий становились не представители организованной преступности, а наиболее «доступные» нарушители закона — мелкие правонарушители. Исследователи в связи с этим отмечают неэффективность массовых зачисток и конвейерного метода осуждения, применявшегося тройками, для борьбы с организованной преступностью и снижения уровня криминогенности в обществе [2, с. 533].

В целом, расширившееся в период Большого террора преследование носителей социальной девиации, поставленное на рельсы массового внесудебного правосудия действием троек НКВД и милиции, являлось составной частью репрессивной политики сталинского режима, направленной на уничтожение и изолирование категорий населения, не подлежащих интеграции в советское общество. Реализация этого курса с неизбежностью вела к превращению террора в инструмент социальной технологии.

Библиографический список

1. Большой террор в Алтайском крае, 1937–1938 гг. / ответ. ред. В.Н. Разгон. — Барнаул, 2014.
2. Иванов В.А. Преступники как целевая группа по приказу № 00447 в Ленинградской области // Сталинизм в советской провинции: 1937–1938. Массовая операция на основе приказа № 00447. — М., 2009.
3. Куденко Н.В., Разгон В.Н., Юнге М. Милицеская тройка (документы) // Массовые репрессии в Алтайском крае, 1917–1938 гг. Приказ № 00447. — М., 2010.
4. Юнге М., Биннер Р. От «социально близкого» до «социально опасного» элемента: преступники и социальная чистка советского общества. 1918–1938 гг. // Сталинизм в советской провинции: 1937–1938. Массовая операция на основе приказа № 00447. — М., 2009.
5. Тепляков А.Г. Машина террора: ОГПУ-НКВД Сибири в 1929–1941 гг. — М., 2008.
6. Мозохин О.Б. Право на репрессии: Внесудебные полномочия органов государственной безопасности (1918–1953). — М., 2006.
7. Инструкция № 00192 НКВД СССР и Прокуратуры СССР тройкам НКВД по рассмотрению дел об уголовных и деклассированных элементах и нарушителях паспортного режима 9 мая 1935 г. // История сталинского ГУЛАГа. — М., 2004. — Т. 1.
8. Юнге М., Биннер Р. Как террор стал «Большим». Секретный приказ № 00447 и технология его исполнения. — М., 2003.
9. Циркуляр М. Фриновского № 61 «Об усилении борьбы с грабителями и уголовниками рецидивистами». 7 августа 1937 г. // Юнге М., Бордюгов Г.А., Биннер Р. Вертикаль Большого террора. История операции по приказу НКВД № 00447. — М., 2008.
10. Приговоры троек милиции и УНКВД по Алтайскому краю, 1937–1938 гг. / сост. Н.В. Куденко, Д.В. Колдаков, В.Н. Разгон: база данных [Электронный ресурс].
11. Государственный архив Алтайского края. Отдел спецдокументации. — Ф. Р-2. — Оп. 7. — Д. 5507.
12. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание: Документы и материалы: в 5 т. — М., 2004. — Т. 5, кн. 2.